

DOI: 10.37930/1990-9780-2024-4-82-35-49

С. А. Толкачев¹, А. Ю. Тепляков²

РОССИЯ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ РАКУРСЕ «НОВОЙ» ЭКОНОМИКИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ³

Западная экономическая мысль находится в поиске новых теоретических концепций, способных стать основой проводимой в условиях краха глобализации экономической политики. Неолиберальные рецепты, отражённые в «Вашингтонском консенсусе», давно себя дискредитировали. Кандидатом на роль новой консенсусной теоретической концепции выступает так называемая «новая» экономика предложения, наиболее популярной версией которой стала «парадигма продуктивизма», предлагаемая Д. Родриком. Введение в лексикон экономической политики России концепции «экономики предложения», произошедшее в 2023 г., отражает сходство доктринальных установок как в нашей стране, так и на Западе. Закономерности долгосрочного циклического технологического и мирохозяйственного развития проявляются в востребованности «новой» экономики развития с её акцентами на реиндустриализацию и суверенизацию национальной промышленности. Анализ установок экономики предложения в комментариях ведущих представителей российского экономического блока показывает, что её концептуальный образ не выражается теоретически непротиворечивой логикой. Порой в качестве концептуальных основ экономики предложения представляются устаревшие положения неолиберальных теорий. Хотя современная экономика предложения концептуально сходна с доктринами промышленной политики, замещающими рынки государством для достижения прогрессивных структурных преобразований экономики. В практических инструментах реализации российской экономики предложения не прослеживается идеи самоподдерживающегося импульса структурных преобразований. Не соответствует единой логике «новой экономики предложения» разнонаправленность налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики в России. Нет должного понимания правильного структурирования социально-экономических групп являющихся потенциальными драйверами необходимых структурных преобразований.

Ключевые слова: Вашингтонский консенсус, новая экономика предложения, продуктивизм, мирохозяйственный уклад, экономическая политика

УДК 338.28, 330.341.1, 339.98

¹ Сергей Александрович Толкачев, профессор кафедры экономической теории, главный научный сотрудник Института глобальных исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125167, РФ, Москва, Ленинградский пр-т, 49/2), д-р экон. наук, профессор, e-mail: tsa2000@mail.ru

² Артем Юрьевич Тепляков, ведущий научный сотрудник Института глобальных исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (125167, РФ, Москва, Ленинградский пр-т, 49/2), канд. экон. наук, e-mail: teplyakov@mail.ru

³ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2024 года.

Введение

Тот факт, что мировая экономика последние несколько лет пребывает в состоянии затянувшейся неопределённости между хлипким оживлением и ожиданием погружения в очередную рецессию несколько затеняет более важную для экономистов очевидность – глубокий концептуальный кризис и системы макроэкономического регулирования и её теоретических основ. «Вашингтонский консенсус» как набор универсальных правил, составлявший регулятивную рамку экономической политики всех стран мира в эпоху завершившейся глобализации, перестал выполнять свою роль «настоющей книги» макроэкономиста-практика. То же самое касается неоллиберальной экономической теории, неоклассической школы, подвергаемой в последние годы прямым обвинениям в неадекватности. Например, авторитетнейший современный экономист, лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц в своих последних публикациях уже не только «похоронил» неоллиберализм⁴, но и активно размышляет о его преемнике⁵.

Официальные лица большой политики также отвергли неоллиберализм. Видный деятель демократической администрации США при Джо Байдене Джейк Салливан, помощник Президента по национальной безопасности в апреле 2023 г. заявил, что неоллиберальная экономическая парадигма завела страну в тупик и не способна противостоять фундаментальным вызовам, стоящим перед современной Америкой, призвал к поиску нового консенсуса, указав, что экономическая политика Байдена является современным воплощением легендарного «Нового курса» Ф. Д. Рузвельта⁶.

На смену неоллиберализму как политико-экономической доктрине, управлявшей разваливающимся глобализированным миром, западные интеллектуалы и общественно-политические силы подыскивают новую теоретическую концепцию, и, кажется, весьма популярной становится концепция «новой экономики предложения». Министр финансов Джанет Йеллен в 2022 г. назвала проводимую администрацией Джо Байдена экономическую политику «современной экономикой предложения»⁷.

У новой или современной экономики предложения ещё нет строго очерченной теоретической базы, рекомендуются различные подходы, но наибольшую извест-

⁴ Stiglitz J. Neoliberalism must be pronounced dead and buried. Where next? // The Guardian. 30 May 2019. URL: <https://www.theguardian.com/business/2019/may/30/neoliberalism-must-be-pronounced-dead-and-buried-where-next> (дата обращения: 23.08.2024).

⁵ Stiglitz J. What Comes After Neoliberalism? // Project Syndicate. Jun 4, 2024. URL: <https://www.project-syndicate.org/onpoint/what-comes-after-neoliberalism> (дата обращения: 23.08.2024).

⁶ Remarks by National Security Advisor Jake Sullivan on Renewing American Economic Leadership at the Brookings Institution // The White House. April 27, 2024. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/04/27/remarks-by-national-security-advisor-jake-sullivan-on-renewing-american-economic-leadership-at-the-brookings-institution/> (дата обращения: 23.08.2024).

⁷ Remarks by Secretary of the Treasury Janet L. Yellen at the 2022 'Virtual Davos Agenda' Hosted by the World Economic Forum // U.S. Department of the Treasury [site]: Secretary Statements & Remarks. January 21, 2022. URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy056521> (дата обращения: 23.08.2024).

ность, однако, приобретает «парадигма продуктивизма»⁸ (производительной экономики), выдвинутая в 2022 г. очень популярным в настоящее время американским гарвардским профессором Дэни Родриком: «Это подход, который ставит во главу угла распространение продуктивных экономических возможностей во всех сферах экономики и сегментах рабочей силы. Он отличается от того, что непосредственно предшествовало ему («неолиберализм») тем, что отводит правительствам (и гражданскому обществу) значительную роль в достижении этой цели. Он меньше доверяет рынкам и с подозрением относится к крупным корпорациям. Он ставит во главу угла производство и инвестиции, а не финансы, и возрождение местных сообществ над глобализацией»⁹.

«Производительный» подход продуктивизма позволяет отнести эту концепцию к семейству так называемых «предложенческих» экономических теорий, и в этом плане она подобна с объявленной в июне 2023 г. Президентом России В. В. Путиным новой доктрине «экономики предложения», причисленной им к «суверенной экономике, которая... предполагает масштабное наращивание производительных сил и... создание новых современных индустриальных мощностей и целых отраслей»¹⁰.

Представляется, что проявленный и в США, и в России концептуальный интерес к «производственно-предложенческой» стороне экономической теории не является чистым конъюнктурным совпадением, но отражает острую потребность в общественной манифестации совокупности новых экономических идей и принципов, способных объединить и организовать экономические элиты в рамках повестки нового, неясного и турбулентного мира.

Теоретическая востребованность «новой экономики предложения» в России

Российский общественно-экономический дискурс, десятилетиями вращавшийся отечественными эпигонами неолиберализма как провинциальный по отношению к первородным истокам единственно верной западной неолиберальной мысли, с большим опозданием приспособляется к новой повестке. Так, в начале 2010-х гг. в российской экспертной среде часто встречался и доказывался тезис о том, что «развитие российской экономики сдерживают прежде всего институциональные барьеры» [1, с. 57]. Однако уже в конце 2010-х гг. научный дискурс претерпевает заметную трансформацию: «наиболее серьёзным барьером в развитии экономики страны» всё чаще признаются «введённые западными странами санкции» [2, с. 275]. Тем не менее С. Д. Бодрунов совершенно справедливо замечает, что, несмотря на то что в мире идёт перестройка многих институтов экономики и политики, «мы по-прежнему – и в своих исследованиях, и в практических рекомендациях, и в “живой” экономической практике – опираемся в

⁸ Rodrik D. The New Productivism Paradigm? // Project Syndicate. Jul 5, 2022. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/new-productivism-economic-policy-paradigm-by-dani-rodrik-2022-07> (дата обращения: 23.08.2024).

⁹ Rodrik D. On Productivism. URL: https://drodrik.scholar.harvard.edu/sites/scholar.harvard.edu/files/dani-rodrik/files/on_productivism.pdf (дата обращения: 23.08.2024).

¹⁰ Путин заявил о важности построения экономики предложения в России // Информационное агентство ТАСС. 22 августа 2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18561401> (дата обращения: 23.08.2024).

основном на догмы рыночного фундаментализма. В экономической науке продолжаем работать в методологическом и теоретическом пространстве монетаризма; ...не уделяя должного внимания новым взглядам, предлагаемым гетеродоксальной экономической наукой» [3, с. 6].

Такая концептуальная «заторможенность» российской экономической мысли, недоверие к новым идеям является результатом тридцатипятилетнего насаждения неоклассической парадигмы, искоренившей не только советскую политэкономия, но и более исторически глубокие нарративы экономического поведения. Как верно замечают А. В. Верников и А. А. Курышева, «одна из особенностей научного и экспертного дискурса последних десятилетий в России – продвижение нарратива о несостоятельности и непродуктивности русских ценностей и культурных традиций, в частности экономического поведения» [4, с. 132]. Они же тонко подмечают, что транслируемые неолиберальным мейнстримом ценностные установки экономического поведения, такие как безудержное потребление, соревновательность в потреблении, жизнь в долг, являются непродуктивными в долгосрочной перспективе, но они выдавались за эталонные образцы эффективной организации экономики. Однако наметившийся поворот западных экономических концептуалистов к «новой экономике предложения», в частности к «продуктивизму», отражает разрыв с неолиберальной экономикой, который затрагивает и ценностные установки. В частности, новая экономика предложения нацелена на рост производства в ущерб глобалистским принципам международного разделения труда, культивировавшим максимизацию потребления в стране путём уступки иностранным компаниям части национального производственного потенциала.

Некоторое отдалённое методологическое сходство формирующаяся «новая экономика предложения» имеет с установками «классических» институционалистов прошлого века, особенно с эволюционной теорией Торстейна Веблена. Согласно его взглядам, традиция может стать опорой для роста технологического мастерства и связывается с долгосрочным развитием общества и сохранением его идентичности [4, с. 132]. Направленность «продуктивизма» Д. Родрика на создание «хороших рабочих мест» соответствует линии на сохранение и развитие западной традиции технологического сообщества, той социально-экономической «грибницы» общества, которая долгие годы воплощала лучшие цивилизационные достижения Запада: промышленную организацию, научно-технический прогресс, технологическое превосходство.

Как это ни парадоксально, «новая экономика предложения» и «продуктивизм» в некоторой степени соответствуют концептуальной линии формирования нового интегрального мирохозяйственного уклада (МХУ), разрабатываемого в трудах академика РАН С. Ю. Глазьева [5]. Он, в частности, замечает, что государства в новом МХУ «реализуют общественные интересы роста национального народного благосостояния. Преимущество общественных интересов над личными является абсолютным приоритетом. Макроэкономическая политика кардинально меняется: технологические сдвиги переходят в политико-экономические и геополитические трансформации. Государство становится целостным институтом развития, резко возрастает значение инвестиционной, промышленной и научно-технической политики» [6, с. 31]. Промышленная политика и лидирующая роль государства, а не «рынков», в концепции «продуктивизма» Д. Родрика занимают основополагающее место. Идея безусловного приоритета общественных интересов над личными в «продуктивизме», конечно, не заявляется, но её заменяет установка на обязатель-

ный рост «количества и качества рабочих мест, доступных для менее образованных и менее квалифицированных членов рабочей силы, там, где они предпочитают (или могут позволить себе) жить»¹¹.

Противоречия российской экономики предложения

Санкционный режим подтолкнул российских концептуалистов в области экономической политики (надеюсь, таковые всё-таки существуют) к разработке доктрины «экономики предложения». Переход России к экономике предложения был анонсирован Президентом Путиным на Санкт-Петербургском международном экономическом форуме в июне 2023 г., где он отождествил новую доктрину с «суверенной экономикой, которая не только реагирует на рыночную конъюнктуру и учитывает спрос, а сама формирует этот спрос»¹².

Впоследствии первый вице-премьер Правительства А. Р. Белоусов обосновал принятие новой доктрины переходом к третьей фазе развития экономики при Президенте В. В. Путине. Эта фаза, начавшаяся с 2022 г., «была связана не только с введением масштабных санкций, но и со сдвигами в мировой экономике – распадом глобальной внешнеторговой системы, изменением климата и технологической гонкой»¹³. Белоусов подтвердил, что доктрина «экономики предложения» идёт в русле осознания необходимости структурной перестройки экономики и достижения технологического, экономического и финансового суверенитета России.

Дополнительные комментарии со стороны заместителя министра экономического развития России Полины Крючковой, которая, очевидно, принимала участие в обосновании этого нового организующего призыва, показывают две вещи. Первое – не следует отождествлять российский вариант «экономики предложения» с почти одноимённой теорией «экономики, ориентированной на предложение», или *supply-side economics*, бывшей органической частью рейганомики в начале 1980-х годов. Второе – отрадное признание решающей роли государства в организации «с нуля» вышеуказанных «новых индустриальных мощностей и целых отраслей». Можно надеяться, что российский Минэк, так же как и американские элиты, избавился от иллюзий «самонастраивающихся свободных рынков» (которые, кстати, предполагала американская «экономика предложения»). Говоря словами П. Крючковой, «есть суперсложные многолетние проекты, где естественным образом ничего не произойдёт, даже если обнулить налоговую нагрузку. С учётом всех рисков и потребностей в капитале такие отрасли вряд ли сами по себе возникнут. Налоговые инструменты – это лишь один из типов инструментов, наряду с льготным кредитованием, поручительствами институтов развития и так далее»¹⁴.

Однако последующее обсуждение новой доктринальной установки экономического развития в российской управленческой элите выявило концептуальные неясности

¹¹ Rodrik D. On Productivism.

¹² Путин заявил о важности построения экономики предложения в России.

¹³ Белоусов описал механизм достижения целей майского указа по экономике // Ведомости. 08.05.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/05/08/1036256-belousov-opisal-mehanizm> (дата обращения: 23.08.2024).

¹⁴ В Минэке пояснили, как должна работать экономика предложения // Ведомости. 13.12.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/12/13/1010929-mineke-ekonomika-predlozheniya> (дата обращения: 23.08.2024).

и расхождения в её трактовке. Первый вице-премьер Правительства России А. Р. Белоусов сделал акцент на «...совершенствовании структуры занятости, расширении предпринимательской активности, обеспечении роста инвестиций, повышении эффективности реального сектора и сферы услуг, увеличении производительности труда, включая автоматизацию, новые системы управления и освоения технологий искусственного интеллекта», а в качестве четырёх основных драйверов экономики предложения выделил «динамику производительности труда, рост инвестиций и изменение структуры источника финансирования инвестиций на протяжении всего периода, рост несырьевого неэнергетического экспорта и формирование транспортно-логистических коридоров для российских грузов»¹⁵. Тем самым А. Р. Белоусов продемонстрировал технократический подход к проблеме, обозначив реальные управленческие проблемы и задачи.

Белоусов считает, что фундаментом роста на ближайшую перспективу будут «базовые отрасли: сельское хозяйство, транспортировка и хранение, обрабатывающая промышленность, торговля, строительство и финансы. Темпы расширения предложения в этих секторах к концу десятилетия составят 16–24 % (выпуск товаров и услуг в год). Сферами опережающего роста будут отрасли культуры и спорта, здравоохранения и соцуслуг, образования, научно-технической деятельности и ИТ и связи. К 2030 г. каждая из них увеличится на 25–30 %. Энергетический сектор будет расти гораздо скромнее – добыча полезных ископаемых прибавит 9,7 %, а сфера обеспечения электроэнергией и газом увеличится на 9,6 %»¹⁶. Здесь уместно будет задать вопросы о недостаточной приоритизации направлений развития с учётом осознанной необходимости структурной перестройки экономики. В некоторой степени ясна неприоритетность топливно-энергетического комплекса (ТЭК) с учётом драматических геоэкономических событий. Однако почему в состав «базовых отраслей» вошла почти вся остальная экономика, включая торговлю и финансы, но не вошёл ТЭК?

Хотя общепризнанного определения понятия «базовые отрасли» не существует, консенсус среди экономистов выделяет их по таким критериям, как: 1) жизненно важные, обеспечивающие базовые потребности населения – пища, вода, энергия и пр.; 2) отрасли, находящиеся в начале протяжённых технологических цепочек и представляющие собой «корневую систему» для прочих отраслей, например металлургия, конструкционные материалы, нефтехимия, та же энергия. Исходя из данных подходов, в состав базовых отраслей обязательно должен войти ТЭК, многие отрасли добывающей промышленности (первичный сектор), но вряд ли вся огромная обрабатывающая промышленность. Непонятным остаётся, почему культура и спорт, при всём уважении к данным сферам формирования здорового человеческого капитала, рассматриваются как отрасли опережающего роста, при том что весь мир, включая Россию, осознал приоритетность структурной перестройки, прежде всего, промышленного комплекса в эпоху Четвёртой промышленной революции и шестого технологического уклада.

Но данные неряшливости в деталях, разумеется, менее важны, чем концептуальная неопределённость российской экономики предложения. Министр экономического развития М. Решетников увидел решение новой задачи в прочтении старых концептуальных установок, заявив, что «ценностным ориентиром в работе Правительства по развитию экономики предложения является качество её ключевых институтов: частной собственности, свободы ценообразования и конкуренции». Он при этом под-

¹⁵ Белоусов описал механизм достижения целей майского указа по экономике.

¹⁶ То же.

черкнул, что «частные права собственности необходимо расширять в экономике»¹⁷. Институциональная доминанта мышления министра экономики есть не что иное, как проекция модернизированного Вашингтонского консенсуса на радикально изменившиеся условия хозяйствования. Представление о том, что приватизация и дерегулирование (свобода ценообразования и конкуренция) способны в нынешних российских условиях решить задачи «создания новых современных индустриальных мощностей и целых отраслей», по меньшей мере, наивно. Ведь все прошедшие 30 лет построения так называемой рыночной экономики эти «ценностные ориентиры» решали ровно противоположные задачи – уничтожения «индустриальных мощностей и целых отраслей».

О неупорядоченном понимании доктрины экономики предложения говорят и противоречивые высказывания А. Р. Белоусова. С одной стороны, он осознаёт, что для роста предложения необходим рост инвестиций, и Президент в Послании Федеральному Собранию поставил перед Правительством цель увеличить объём инвестиций в ключевых областях экономики РФ на 70 % к 2030 году. Ключевые условия для роста инвестиций в России, по его мнению, помимо расширяющихся рынков и низких управляемых рисков, включают дешёвые деньги, которые зависят от «нашего фондового рынка и от ключевой ставки». С другой стороны, он призывает бизнес «быть готовым к периоду высоких ставок», которые постепенно будут идти вниз. Ключевая ставка к 2027 г. будет составлять 6–7 %, с 2028 по 2030 г. она будет находиться в диапазоне 4–6 %. «Экономика должна приспособиться к структурным изменениям, которые сейчас в ней происходят и будут происходить. Прежде всего, понятно, к высокой ключевой ставке, которая, так или иначе, у нас сохранится. Но она будет, мы все надеемся, снижаться вслед за снижением инфляции, хотя и будет повышенной. В район 6–7 % она должна выйти к 2027 году»¹⁸.

Фактическая солидаризация первого вице-преьера с доминантой мышления главы ЦБ РФ в вопросах, во-первых, примата инфляционного фактора, и, во-вторых, возможности воздействия на инфляцию через ключевую ставку оставляет сомнения в приоритетности таких целей заявленной экономики предложения как рост инвестиций и производительности труда, структурная перестройка экономики, создание новых передовых отраслей.

Таким образом, приходится констатировать, что вброшенный в российский общественный дискурс термин, помимо нового для российской практики названия, не содержит логически обоснованной экономической картины мира и отличается концептуальными и содержательными противоречиями. Во-первых, основная заявленная цель – «масштабное наращивание производственных мощностей» – не поддерживается ключевыми рычагами экономической политики: ни налоговой, ни, тем более, денежно-кредитной. Перечисляемые вспомогательные квази-стимулы – «расширение преференциальных режимов и налоговых льгот, региональные инвестстандарты и инвестиционные вычеты, рост капитализации фондового рынка, а также госгарантии и поручитель-

¹⁷ Максим Решетников: экономика предложения – это экономика практических решений // Министерство экономического развития Российской Федерации: [офиц. сайт]: Новости. 08.05.2024. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_ekonomika_a_predlozheniya_eto_ekonomika_prakticheskikh_resheniy.html (дата обращения: 23.08.2024).

¹⁸ Белоусов спрогнозировал снижение ключевой ставки до 6–7 % к 2027 году // Коммерсантъ. 08.05.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6689143> (дата обращения: 23.08.2024).

ства» – не смогут обеспечить массовую модернизацию производства и создание новых отраслей, что доказано многолетним российским опытом их применения.

Во-вторых, малореалистичным является главная концептуальная линия российской экономики предложения: расширение производства и повышение его эффективности будут стимулировать увеличение доходов граждан и компаний, «что будет фактором роста конечного спроса – потребления и инвестиций <...>, [а] увеличение конечного спроса станет стимулом для производства. В итоге получится замкнутый контур, где каждый компонент будет работать на общий рост»¹⁹. Эта линия рассуждений напоминает импульсное воздействие на систему, которая затем перейдёт к самоподдерживающемуся росту – наподобие воздействия электрошоком на пациента, чтобы запустить сердце и все остальные органы его «замкнутого контура». Но чтобы принять такую логику, надо показать каким мощным электрошоком вы намерены оживить пациента. Ныне здравствующий Артур Лаффер, один из идеологов американской экономики предложения, пропагандировал масштабное снижение налогов, которое осуществили Р. Рейган и Д. Трамп, хотя полные последствия этих импульсов оказались далеки от обещаний [7]. Российская экономика предложения не обещает снижения налогов и предлагает потерпеть высокие ставки банковского процента по кредитам – слабый импульс.

В России имеется множество альтернативных подходов к идее импульса роста. Например, А. И. Агеев и Д. А. Митяев в статье с говорящим названием «Не пора ли “за флажки” дозволенного?» предлагают гораздо более радикальный вариант запуска экономики предложения. Для того чтобы сформировать российскую суверенную финансовую систему, без которой невозможны инвестиции, они советуют преобразовать российские валютные резервы в систему стратегических материальных резервов (двух-трёхлетний запас основных ресурсов: нефти и нефтепродуктов, металлов, удобрений и продовольствия), как было в СССР и есть сейчас у Китая, а все средства Фонда национального благосостояния инвестировать в инфраструктурные проекты [8].

Ещё один импульс, который использовала американская экономика предложения, – раскрепощение предпринимательской инициативы через дерегулирование экономики. Оставляя в стороне негативные последствия рейгановского неолиберального дерегулирования – усугубление экологических проблем, рост социального неравенства, усиление власти корпораций над потребителями, – посмотрим, насколько реален российский вариант дерегулирования в современных условиях. Достаточно обратиться к специальному докладу на эту тему Института комплексных стратегических исследований (ИКСИ), отражающего взгляды российского предпринимательства. Основная мысль доклада: успех экономики предложения возможен только за счёт реализации частной предпринимательской инициативы и отказа от сложившейся модели государственного капитализма. Выделяются пять основных направлений первоочередных действий:

- поддержка конкуренции и защита свободы предпринимательства, отказ от доминирования госкомпаний на рынках, декриминализация предпринимательской деятельности, снижение административного давления на бизнес;
- обеспечение доступности финансовых ресурсов для бизнеса путём развития банковского кредитования, рынка ценных бумаг и иных механизмов инвестирования;
- развитие транспортно-логистической, энергетической и иной инфраструктуры и обеспечение свободного доступа бизнеса к ней;

¹⁹ Белоусов описал механизм достижения целей майского указа по экономике.

– расширение предложения труда и обеспечение роста его производительности, обеспечение мобильности рабочей силы;

– создание условий для внешнеэкономической деятельности в условиях санкционного давления²⁰.

Если резюмировать, то российский бизнес, как всегда, хочет от государства чётких и стабильных правил игры, невмешательства в свои дела, низких ставок по кредитам, дешёвой и разветвлённой инфраструктуры. В принципе, требования разумные и адекватные, но для обычных макро- и геоэкономических условий. Увы, предлагаемый в докладе отказ от госкапитализма – приватизация активов госкомпаний – чреват ослаблением суммарной политико-экономической мощи ключевых российских промышленных корпораций, что на нынешнем этапе мирохозяйственного транзита высокая вероятность системного распада российской экономики. Хотя значительную часть рекомендаций доклада ИКСИ, включая пакет предложений по доступности кредитных ресурсов (в том числе требования радикального – до 5 % – снижения ключевой ставки ЦБР), следует признать актуальной и необходимой.

В-третьих, А. Р. Белоусов, на наш взгляд, правильно пояснил, что предложения без спроса не бывает, только их взаимодействие должно раскрутить самоподдерживающийся «замкнутый контур». Собственно, мы это видим на примере трампономики и байденомики. Если первая задействовала экономику предложения, и этого оказалось недостаточно, чтобы обеспечить рост в передовых высокотехнологичных отраслях, то вторая дополняет первую мерами по созданию спроса на продукцию отечественного (американского) производства этих отраслей [9].

Допустим, российской экономике предложения удастся сделать первый импульс, и вырастут конечные доходы населения и фирм. Для того чтобы заработал пресловутый «замкнутый контур», необходимо, чтобы население и фирмы стали активно тратить доходы на потребление и производственные инвестиции. Но тогда снова банковский рынок с рекордными ставками процента, как по депозитам, так и по кредитам, нарушает намеченный кругооборот в «замкнутом контуре».

Высокие ставки по депозитам стимулируют граждан к сбережениям, а не потребительским расходам, тем более, в условиях отсутствия массового импортозамещающего производства. Ну а запредельные ставки по кредитам не позволяют российским компаниям инвестировать в «масштабное наращивание производственных мощностей». Хорошо известно, что российские производители основную часть инвестиций осуществляют не за счёт кредитных средств, а за собственные деньги. И даже Правительство в Прогнозе развития до 2030 г. спокойно ожидает, что при общем росте инвестиций в основной капитал на 20,6 % по отношению к 2024-му, по-прежнему более чем наполовину (на 54 %) они будут обеспечиваться собственными средствами предприятий²¹.

Проведённый анализ концептуальных основ новой доктрины «экономики предложения» показывает, что она содержит существенные логические нестыковки и противоречия политико-экономического характера. Каково противоречие между це-

²⁰ О необходимости перехода к «Экономике предложения» в России и основных направлениях её формирования: Доклад ИКСИ // ИКСИ: июнь 2023. URL: <https://icss.ru/ekonomicheskaya-politika/strategicheskoe-planirovanie/o-neobkhodimosti-perekhoda-k-ekonomike-predlozheniya-v-rossii-i-osnovnykh-napravleniyakh-ee-formirovaniya> (дата обращения: 23.08.2024).

²¹ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 года. URL: <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf> (дата обращения: 23.08.2024).

лями и средствами достижения этих целей? Основная цель – фактическая реиндустриализация и даже неоиндустриализация страны – не обеспечивается основными инструментами государственной налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики.

Данное поверхностное противоречие организационно-экономического свойства скрывает более глубокое противоречие социально-экономического характера. Каковы коренные экономические интересы ведущих социальных слоёв, способных осуществить реиндустриализацию? С одной стороны, это растущий слой управленцев из расширяющегося государственного сектора и смежных с ним общественных организаций. Этот слой молодых амбициозных управленцев мыслит проводить реиндустриализацию только на базе множащихся структур укрепляющихся государственных корпораций. При этом молодые бюрократы уже свыклись с низким уровнем персональной ответственности и быстрой сменой своих административных позиций в расширяющемся госсекторе. Также они привыкли к беспроblemному государственному финансированию как средству решения поставленных задач.

Другой ключевой слой, осуществляющий реиндустриализацию, – это администраторы в сохраняющемся мощном частном корпоративном секторе. Этот сектор весьма неоднороден – от малых инновационных стартапов, способных действительно создавать новые продукты и рынки, до могучих мегакорпораций, «сидящих» на обширных старых рынках и превратившихся в бюрократические структуры, мало чем отличающиеся от аналогичных государственных корпораций. Но всем «частникам» выгодно всемерное сокращение государственного сектора как конкурента с заведомыми преимуществами, снижение налогового и регуляторного, а также кредитного бремени, к тому же, российский банковский сектор на 70 % состоит из банков с государственным участием.

Глубина и драматизм данного противоречия между интересами субъектов государственного и негосударственного секторов состоит в том, что движение к достижению заявленной цели «экономики развития» невозможно ни в случае значительного оттеснения (не устранения, что невозможно) одного из субъектов, ни при сохранении существующего статус-кво между ними. Например, при условии остановки процесса огосударствления экономики, массовой приватизации, дерегулирования и снижения налогово-кредитной нагрузки на предпринимательский сектор, скорее всего, следует ожидать не всплеска изобретений и инновационных продуктов, а технологического перепрофилирования в сторону упрощения и деградации поддерживаемых в настоящее время на государственных стимулах пусть коммерчески неэффективных, но работающих технологических корпораций. В противоположном случае дальнейшего огосударствления экономики, национализации технологических компаний частного сектора неизбежен рост бюрократизации, административных издержек бизнеса, не способствующий появлению новых инновационных продуктов.

Наконец, сохранение существующего соотношения сил между частным и государственным секторами также не может запустить желанную «экономику предложения». Приведём в качестве подтверждения единственный, но, пожалуй, ключевой пример с неудачей нового магистрального проекта поддержки инвестиций (так называемая таксономия проектов технологического суверенитета и структурной адаптации экономики), принятого в русле организационно-экономического обеспечения экономики предложения по Постановлению Правительства РФ № 603 от 15 апреля 2023 го-

да²². В рамках таксономии технологического суверенитета российские банки кредитуют проекты, направленные на импортозамещение и структурную адаптацию экономики, по более доступным ставкам за счёт снижения коэффициентов риска при их кредитовании. Ключевые организаторы проекта таксономии – ЦБ РФ, Минэкономразвития и российская Государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ». Масштабность проекта характеризует такой факт, что таксономия предусматривает 464 укрупнённые позиции инвестиционных проектов в тринадцати приоритетных отраслях плюс проекты адаптации экономики. По мнению председателя Совета Торгово-промышленной палаты (ТПП) РФ по финансово-промышленной и инвестиционной политике Владимира Гамзы, «это практически две трети экономики, возможно даже больше»²³.

Проектами технологического суверенитета определены производства, которых в настоящий момент в России нет. Количество отраслей ограничено, их 13: автомобилестроение, железнодорожное, нефтегазовое, сельскохозяйственное и специализированное машиностроение, медицинская, фармацевтическая и химическая промышленность, станкоинструментальная промышленность и тяжёлое машиностроение, судостроение, электронная и электротехническая промышленность, энергетическая и авиационная промышленность.

Проекты структурной адаптации экономики – это проекты, направленные на создание или модернизацию инфраструктуры, позволяющей предоставлять услуги или переориентировать поставки российской продукции дружественным странам. Сюда также относятся проекты по сокращению зависимости от предоставления импортных услуг, технологий, поставок материалов, оборудования и комплектующих, способствующие развитию существующих и созданию новых отраслей экономики России.

Таксономия проектов предусматривает мощный набор стимулов. Первое – стимулирующее регулирование Банка России, а именно уступки банку при расчёте нормативов достаточности капитала и снижение риск-веса по кредитам. Второе – поручительства/гарантии ВЭБ.РФ. Предполагалось, что по кредитам банков в рамках таксономии на срок от 3 до 15 лет поручительства ВЭБ.РФ покроют от 10 до 50 % долга. Третье – инвестиционный налоговый вычет по налогу на прибыль.

Первоначально ВЭБ оценивал, что стимулирующие меры могут помочь сформировать кредитный портфель в объёме 5–10 трлн руб., в том числе 1–2 трлн руб. в первый год после запуска механизма. Но к концу 2023 г. ВЭБ сообщил, что по направлению технологического суверенитета отобрано 11 проектов на сумму 234 млрд рублей. Их

²² Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2023 г. № 603. URL: <http://static.government.ru/media/files/8JsiO5kSlTJA1g5IHhGd5qiQVACelECn.pdf> (дата обращения: 23.08.2024).

²³ Суверенитет под микроскопом // Монокль. 8 июля 2024. URL: <https://monocle.ru/monocle/2024/28/suverenitet-pod-mikroskopom/> (дата обращения: 23.08.2024).

финансируют пять банков, в том числе и ВЭБ, который субсидирует три проекта на общую сумму 79 млрд рублей²⁴. Спустя год после старта проекта, вместо 1–2 трлн руб., по данным Торгово-промышленной палаты РФ, общий объём 14 профинансированных в рамках таксономии проектов составил всего лишь около 315 млрд рублей. В ВЭБ.РФ сообщали о 265 млрд руб. с мая прошлого (2023) года до 1 мая этого (2024) года и ещё о 52 млрд руб. за май²⁵.

Причиной стартовой неудачи аналитики называют чрезвычайно высокий уровень ставки рефинансирования – 16 %, с лихвой перекрывающий все остальные положительные стимулы. Например, заложенное снижение коэффициента риска по нормативам ЦБ РФ даёт удешевление кредита всего лишь на 0,4–1,1 п.п. А по мнению представителя «Деловой России», высокотехнологичным компаниям, «которым сегодня нужно самим выстраивать технологические цепочки для производства, ...нужно иметь возможность кредитоваться со ставкой от 1 до 1,5 %. <...> При ставке рефинансирования 16 % невозможно организовать эффективное производство. Все средства поглощает выплата банковских процентов»²⁶.

Данный кейс недвусмысленно показывает, что существующий расклад соотношения сил между государственным и частным секторами при существующем институциональном формате их взаимодействия не способен обеспечить прорывные проекты модернизации экономики. Разветвлённая государственная бюрократия и обширный госсектор экономики разрабатывают такие правила привлечения частного капитала к общенациональным проектам развития, которые не привлекательны для предпринимательского сектора. Последний предпочитает избегать малопродуктивных государственных стимулов и предпочитает реализовывать гораздо менее форматные проекты без государственной поддержки, что не обеспечивает надлежащего эффекта масштаба и не решает ключевых народнохозяйственных задач. Иными словами, парадигма «экономики предложения» («продуктивизма»), заявленная в российском общественно-политическом дискурсе, в настоящее время пока ещё не подкреплена адекватным инструментарием экономической политики и в действительности не вытеснила господствующую последние три десятилетия неолиберальную парадигму.

Кроме того, сложившаяся ситуация иллюстрирует тот факт, что в современном мире социально-экономическое развитие перестаёт определяться преимущественно институционально-экономическими факторами: добавляются не менее значимые аспекты идеологии, безопасности и технологий. Важно заметить и то, что прежние стимулы и возможности легко превращаются в барьеры, а неоднозначно трактуемые в парадигме уходящего мироустройства барьеры развития могут превратиться в его «трамплины».

Выводы

Концептуальная опора российских проектировщиков образа экономической политики именно на «экономику предложения» соответствует общемировому тренду на использование обновлённого «бренда» данной экономической доктрины. Законо-

²⁴ Отобраны первые проекты технологического суверенитета России на ₽234 млрд / М-во цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ: [сайт]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/48951/> (дата обращения: 23.08.2024).

²⁵ Суверенитет под микроскопом // Монокль. 8 июля 2024. URL: <https://monocle.ru/monocle/2024/28/suverenitet-pod-mikroskopom/> (дата обращения: 23.08.2024).

²⁶ Суверенитет под микроскопом.

мерности долгосрочного циклического технологического и мирохозяйственного развития сформировали длительный «эшелон» мировой повестки дня промышленного протекционизма с такими драйверами, как реиндустриализация, секьюритизация и суверенизация национальной промышленно-технологической базы, обеспечение высокопроизводительных («хороших») рабочих мест для населения, уменьшение острого социального неравенства. Для России, в силу последних геэкономических событий, актуальность концептуальной рамки именно «экономики предложения» даже более актуальна, чем для стран Запада, поскольку вышеуказанные драйверы довлеют над нашей страной в гораздо большей степени.

В связи с этим для российской экономики предложения гораздо более важна роль первоначального импульса, запускающего дальнейший самоподдерживающийся рост спроса и предложения. Судя по опыту байденомики, американской администрации приходится идти на беспрецедентные бюджетные вливания в критически важные технологические отрасли, допуская дальнейший рост огромного государственного долга, ради такого экономического импульса, несмотря на неизмеримо большую, по сравнению с Россией, мощью своего корпоративного промышленного сектора экономики. К сожалению, мы не видим в России аналогичной по сравнительной степени воздействия попытки государственного стимулирования экономики, за исключением оборонных отраслей промышленности.

Нужно отметить, что концептуальный образ российской экономики предложения не отличается логической непротиворечивостью, консолидацией органов макроэкономической политики и их организационно-практическим единством. Некоторые представители органов исполнительной власти при отсутствии единой магистральной доктринальной линии рекомендуют в качестве концептуальных «подпорок» экономики предложения мемы устаревших неолиберальных теорий. Налицо принципиальная разнонаправленность налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики с точки зрения воплощения даже слабо обрисованных штрихов российской экономики предложения.

Наконец, политическая экономия новой экономики предложения подразумевает структурирование социально-экономических групп, выступающих как в роли драйвера необходимых преобразований, так и в качестве инертных и даже сопротивляющихся новому направлению экономической политики объектов. В этом плане «новая экономика предложения» концептуально сходна с традиционным пониманием промышленной политики, как не равнодушной по отношению к «рынкам» форме экономической политики. Остаётся надеяться, что совершенствование концептуального образа российской экономики предложения будет происходить одновременно с отсеиванием и отбором наиболее эффективных практических инструментов её осуществления.

Список литературы

1. Мещеряков, Д. А. Барьеры на пути развития российской экономики (общие проблемы) / Д. А. Мещеряков // Экономическое возрождение России. – 2013. – № 4 (38). – С. 54–60.
2. Гришин, В. И. Приоритеты и барьеры развития российской экономики / В. И. Гришин // Научные труды Вольного экономического общества. – 2019. – Т. 218, № 4. – С. 274–280.
3. Бодрунов, С. Д. Промышленная политика России в условиях вызовов глобальной трансформации: задачи теории и практики перехода к новому этапу индустриального развития (НИО 2.0) / С. Д. Бодрунов // Экономическое возрождение России. – 2023. – № 2 (76). – С. 5–12. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-5-12.

4. Верников, А. В. Правда ли, что национальные экономические традиции тормозят развитие? (институциональный подход) / А. В. Верников, А. А. Курышева // *Экономическое возрождение России*. – 2024. – № 2 (80). – С. 122–140. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-122-140.

5. Глазьев, С. Ю. Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов / С. Ю. Глазьев // *AlterEconomics* – 2022. – № 1 (19) – С. 93–115. DOI:10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6.

6. Глазьев, С. Ю. Перспективы развития России на длинной волне нового технологического уклада / С. Ю. Глазьев // *Экономическое возрождение России*. – 2023 – № 2 (76). – С. 27–32. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-27-32.

7. Васильев, В. С. Налоговые реформы Р. Рейгана и Д. Трампа: эволюция приоритетов / В. С. Васильев, М. М. Соколов // *США & Канада: экономика – политика – культура*. – 2018. – № 8. – С. 5–25. DOI:10.31857/S032120680000356-5.

8. Агеев, А. И. Не пора ли «за флажки» дозволенного? Часть III / А. И. Агеев, Д. А. Митяев // *Экономические стратегии*. – 2024 – № 2 (194). – С. 24–31. DOI: 10.33917/es-2.194.2024.24-31.

9. Толкачев, С. А. Промышленная политика и рещоринг: байденомика сменяет трампономику / С. А. Толкачев // *США & Канада: экономика – политика – культура*. – 2022. – № 1. – С. 21–38. DOI: 10.31857/S2686673022010023/.

References

1. Meshherjakov D. A. (2013) Bar'ery na puti razvitija rossijskoj jekonomiki (obshhie problemy) [Common problems of barriers in the development of the Russian economy]. *Economic Revival of Russia*, 4(38), pp. 54–60.

2. Grishin V. I. (2019) Prioritety i bar'ery razvitija rossijskoj jekonomiki. *Nauchnye trudy Vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva* [Priorities and barriers to the development of the Russian economy]. *Scientific works of the Voluntary Economic Society*, 4(218), pp. 274–280.

3. Bodrunov S. D. (2023) *Promyshlennaja politika Rossii v uslovijah vyzovov global'noj transformacii: zadachi teorii i praktiki perehoda k novomu jetapu industrial'nogo razvitija (NIO 2)* [Industrial Policy of Russia in the Face of Challenges of Global Transformation: Tasks of the Theory and Practice of Transition to a New Stage of Industrial Development (NIS.2)]. *Economic Revival of Russia*, 2(76), pp. 5–12. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-5-12.

4. Vernikov A. V., Kuryshcheva A. A. (2024) *Pravda li, chto nacional'nye jekonomicheskie tradicii tormozjat razvitie (institucional'nyj podhod)*. – *Jekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Is It True That National Economic Traditions Hinder Development? (Institutional Approach)]. *Economic Revival of Russia*, 2(80), pp. 122–140. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-122-140.

5. Glaz'ev S. Ju. (2022) *Global'naja transformacija cherez prizmu smeny tehnologicheskikh i mirohozjajstvennyh ukladov*. [Global Transformations from the Perspective of Technological and Economic World Order Change]. *AlterEconomics*, 1(19), pp. 93–115. DOI:10.31063/AlterEconomics/2022.19-1.6.

6. Glaz'ev S. Ju. (2023) *Perspektivy razvitija Rossii na dlinnoj volne novogo tehnologicheskogo uklada*. [Prospects for the Development of Russia on the Long-Term Wave of Growth in the New Technological Order]. *Economic Revival of Russia*, 2(76), pp. 27–32. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-27-32.

7. Vasil'ev V.S., Sokolov M.M. (2018) Nalogovye reformy R.Rejgana i D.Trampa: jevoljucija prioritetov. [Tax Reforms of R. Reagan and D. Trump: Evolution of Priorities]. USA & Canada Journal, (8), pp. 5–25. DOI:10.31857/S03212068000356-5.

8. Ageev A. I., Mitjaev D. A. (2024) Ne pora li «za flazhki» dozvolennogo? Chast' III [Isn't it time to 'go beyond the flags' allowed? Part III]. Economic Strategies, 2(194), pp. 24–31. DOI: 10.33917/es-2.194.2024.24-31.

9. Tolkachev S. A. (2022) Promyshlennaja politika i reshoring: bajdenomika smenjaet tramponomiku. [Industrial Policy and Reshoring: Bidenomics Replaces Trumponomics]. USA & Canada Journal, (1), pp. 21–38. DOI: 10.31857/S2686673022010023/.

S.A.Tolkachev²⁷, A.Yu. Teplyakov²⁸. Russia in the Conceptual Perspective of the «New» Supply-Side Economics²⁹. Western economic thought is searching the new theoretical concepts could become the basis for the economic policy being pursued in the context of the collapse of globalisation. Neoliberal recipes reflected in the 'Washington Consensus' have long discredited themselves. A candidate for a new consensus theoretical concept is the so-called 'new' supply-side economics, the most popular 'paradigm of productivism' version proposed by D. Rodrik. Introduction of the supply-side economics concept into the lexicon of Russia's economic policy in 2023 reflects the similarity of doctrinal attitudes both in our country and in the West. The analysis of supply-side economics attitudes in comments of the leading representatives of the Russian economic bloc shows that its conceptual image is not expressed in a theoretically consistent logic. At times, outdated provisions of neoliberal theories are proposed as conceptual bases of supply-side economics. Although modern supply-side economics is conceptually similar to the doctrines of industrial policy, replacing markets with the state to achieve progressive structural transformation of the economy. The idea of a self-sustaining impulse of structural transformations is not traceable in the practical tools for the implementation of the Russian supply-side economy. The multidirectional fiscal and monetary policy in Russia does not correspond to the unified logic of the new supply-side economy. There is no proper understanding of the correct structuring of socio-economic groups that are potential drivers of the necessary structural transformations.

Keywords: Washington Consensus, Supply-Side Economics, Productivism, World Economic Order, Economic Policy.

²⁷ *Sergey A. Tolkachev*, Professor of the Department of Economic Theory, Senior Research Fellow at the Institute for Global Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Avenue, Moscow, 125993, Russia), Doctor of Economics, e-mail: tsa2000@mail.ru

²⁸ *Artyom Yu. Teplyakov*, Research Fellow at the Institute for Global Studies, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Avenue, Moscow, 125993, Russia), Candidate of Economics, e-mail: teplyakovy@mail.ru

²⁹ The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of Finuniversity.